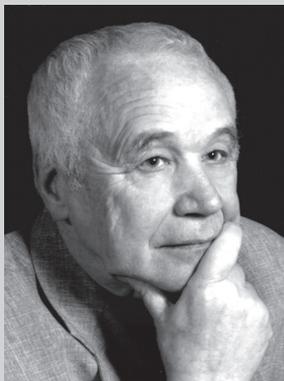

Б.В. Емельянов

ВИРТУАЛЬНЫЕ СНЫ-УТОПИИ У РАДИЩЕВА – ЧЕРНЫШЕВСКОГО – ДОСТОЕВСКОГО

Емельянов
Борис Владимирович

доктор философских наук, профессор УрГУ, академик МАДИ

В последние десятилетия «виртуальность», «виртуальная реальность» – одна из актуальных философских проблем, которой посвящены многочисленные монографии, диссертации, конференции. Предлагаются различные толкования этих понятий. Меня, как историка философии, привлекают те из них, которые определяют «виртуальность» как «подобие реального». Они хорошо «работают» при анализе русских утопий, в том числе представленных в сновидениях.

Первой русской утопией, отразившей идеальное будущее во сне, считается произведение известного русского писателя XVIII в. А.П. Сумарокова «Сон «Счастливое общество» (1759), в которой он изобразил «мечтательную страну», осуществившую идеал просвещенного монархизма. В этом обществе отменены сословные привилегии, процветают науки и ремесла, а бюрократия, тунеядство и взяточничество преследуются законом.

Спустя два года свой утопический «Сон» (1761) опубликовал С.Г. Домашнев, а в 1790г. вышло знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, где в главе «Спаская Полесь» опять-таки во сне Истина открывает «властителю» глаза на то, что происходит в

обществе. Это уже не «Счастливое общества» Сумарокова, а критически едкое изображение современной Радищеву екатерининской действительности, в которой народ живет в нищете, а придворные – в праздности.

Самой интересной из ранних русских утопий может быть названа повесть принадлежащего к кругу декабристов писателя и музыкального критика А.Д. Улыбышева «Сон». Написанная на французском языке, она была напечатана лишь в 1927г. Автор считает, что сон – это «прообразы нашего будущего»; в снах, видящие их, могут увидеть картину «воображаемого счастья, в тысячу раз превосходящего все то, что может им представить печальная действительность». Этот утопический «сон» Улыбышева интересен во многих отношениях. Герой оказался в Петербурге через 300 лет, когда уже нет самодержавия и крепостничества; люди свободны и равны перед законом, а их отношения покоятся «на чувстве сострадания к нашим несчастным братьям». «Постоянного войска» нет, «это изме-

нение в военной системе произвело огромную перемену и в финансах. Три четверти наших доходов, поглощавшихся прежде исключительно содержанием армии, – которой это не мешало умирать с голоду, – употребляется теперь на увеличение общественного благосостояния, на поощрение земледелия, торговли, промышленности и на поддержание бедных, число которых под отеческим управлением в России,

благодаря небу, с каждым днем уменьшается». Наконец, впервые, даже в утопической русской литературе, автор показывает как религия – это «настоящее идолопоклонство» – исчезает из жизни людей. Вместо священников и монахов в огромном Храме, предназначенном для совместных собраний и концертов, выступают с речами и проповедями государственные деятели. Благостная картина светлого будущего

прерывается вполне в духе российской действительности: «Я собирался перейти мост, как внезапно меня разбудили звуки рожка и барабана и вопли пьяного мужика, которого тащили в участок. Я подумал, что исполнение моего сна еще далеко...».

Глава русской революционной демократии Н.Г.Чернышевский еще в студенческие годы записал: «Мне кажется, что я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев, монтаньяр решительный». Свою приверженность социалистическим идеалам он показал своей жизнью, деятельностью и ... литературой. Самый известный его роман «Что делать?» в историю русской литературы вошел как социалистический философский роман, утверждавший пусть и в утопической форме, что «новые люди» – это провозвестники социалистических преобразований. Опыт таких преобразований – устройство мастерской-товарищества Веры Павловны, а ее четвертый сон – изображение будущего социалистического общества. Он напоминает фаланстер Фурье. Это – «здание, громадное, громадное здание, каких теперь лишь по несколько в самых больших столицах», состоящее из чугуна и стали с мебелью из алюминия. Вокруг здания нивы, на которых машины убирают хлеб. После работы – обязательный бесплатный обед для всех с одинаковым меню, а те, кто желает съесть что-либо особенное, оплачивают это блюдо отдельно.

На зимние 7-8 месяцев работники уезжают на юг, на Аравийский полуостров, где в «Новой России» не только трудятся, но и отдыхают, кому «как нравится»: «многие в театре, одни актерами, другие музыкантами, третьи зрителями... иные в аллеях сада, иные в своих комнатах, или отдохнуть наедине, или со своими детьми». А в конце сна сопровождающая Веру Павловну говорит: «Здесь все живут, как лучше кому жить, здесь всем и каждому – полная воля, вольна воля. То, что мы показали тебе, не скоро будет в полном своем развитии, какое видела теперь ты. Сменится много поколений, прежде чем вполне осуществится то, что ты предощущаешь... Оно

светло, оно прекрасно. Говори же всем: вот что в будущем, будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением наша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего».

Сон как возможность выразить свои сокровенные представления о «золотом веке» человеческой истории неоднократно использовал Ф.М.Достоевский. В двух романах («Подросток» и «Бесы») и рассказе «Сон смешного человека» он противопоставлял жизнь и сон, выстраивая утопическую конструкцию.

Гипотезу возможной райской жизни без бога Достоевский испытывает на прочность в исповеди Ставрогина в «Бесах». В «Исповеди Ставрогина» изображен некий рай, в котором люди как боги живут безбедно, в любви и согласии. Писатель засомневался в возможности такого рая и в окончательной редакции романа она не использована.

Короткий сон Версилова в романе «Подросток» (1875) навеян картиной Клода Лоррена «Асис и Галатея», которую он понимает как «золотой век» человечества. На небольшом пространстве греческого архипелага «за три тысячи лет назад» живут счастливые и невинные люди, у которых «всякий избыток непочатых сил уходил в любовь и простодушную радость»⁵ Этот уголок земли представляется Версилкову как колыбель «европейского человечества», как земной рай, в котором люди живут в гармонии с природой, они сами как боги. Любовь к богу у них заменена уважением к человеку. Достоевский, вероятно, допускал возможность «безбожного» золотого века. Версилова такое видение потрясло, он проснулся с глазами «буквально омоченными слезами»: «Чудный сон, высокое заблуждение человечества! Золотой век – мечта самая невероятная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы, для которой умирали и убивались пророки, без которой народы не хотят жить и не могут даже умереть!»⁶ Это был сон-мечта, а наяву – «за-

ходящее солнце последнего дня европейского человечества»: вражда между народами, франко-прусская война 1870-1871гг.

Наиболее радикальным сном-утопией у Достоевского является рассказ «Сон смешного человека». В нем «смешной человек» на улице грубо отказал девочке, молящей о помощи. Вернувшись домой, он начинает размышлять о причинах своего отказа и неожиданно... засыпает. «Сны, – пишет Достоевский, – как известно, чрезвычайно странная вещь: одно представляется с ужасающей ясностью, с ювелирски мелочной отделкой подробностей, а через другое перескакиваешь, как бы не замечая вовсе, например, через пространство и время. Сны, кажется, стремится не рассудок, а желание, не голова, а сердце, а между тем какие хитрейшие вещи проделывал иногда мой рассудок во сне». Сон-то и возвестил «смешному человеку» Истину, открыв «новую, великую, обновленную, сильную жизнь» где-то на отдаленной Звездочке. «Это была земля, неоскверненная грехопадением, на ней жили люди не согрешившие, жили в таком же раю, в каком жили, по преданию всего человечества, и наши согрешившие прародители, с тою только разницею, что вся земля здесь была повсюду одним и тем же раем». Люди, жившие в этом раю, были счастливы, «между ними не было ссор и не было ревности, и они не понимали даже, что это значит... У них не было храмов, но у них было какое-то насущное, живое и непрерывное единение с Целым вселенной; у них не было веры, зато было твердое знание, что когда восполнится их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них, и для живущих и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной».

Так бы и продолжался этот рай, но «смешной человек» изменил его жителей: их любовь выродилась в сладострастие, из которого выросли пороки и преступления. Они стали считать, что «знание выше чувства, сознание жизни – выше жизни. Наука дает нам премудрость, премудрость открывает законы, а знание законов счастья – выше счастья». И наконец, у них «явились

религии с культом небытия и саморазрушения ради вечного успокоения в ничтожестве».

Ужаснувшись этому организованному им грехопадению, «смешной человек» попросил, чтобы «они распяли меня на кресте». Но люди «говорили, что получили лишь то, чего сами желали, и что все то, что есть теперь, не могло не быть».

Выражая мысль Достоевского, «смешной человек» говорит: «Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей». Он видел истину и знает, «что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле». И вполне закономерен финал рассказа, его вывод: «Главное – люби других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь, как устроиться. А между тем ведь это только – старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не учились же! «Сознание жизни выше жизни, знание законов счастья – выше счастья» – вот с чем бороться надо! И буду. Если только все захотят, то сейчас все устроится. А ту маленькую девочку я отыскал... И найду! И найду!»

Так сомкнулись два направления времени: «смешной человек» заменил свою земную жизнь возможностью осуществления райской жизни, обозначив ее реальность.

Литература:

1. Улыбышев А.Д. Сон // Русская литературная утопия. М., 1986. С.87.
2. Там же. С.91.
3. Там же.
4. Чернышевский Н.Г. Полн.собр.соч. М.. 1939. Т.1.С.122.
5. Чернышевский Н.Г. Что делать? // Русская литературная утопия. М., 1986. С. 145-146.
6. Там же. С. 146.
7. Достоевский Ф.М. Подросток // Русская литературная утопия. М., 1986. С.154.
8. Там же.
9. Достоевский Ф.М. Сон смешного человека // Русская литературная утопия. М., 1986. С. 159.
10. Там же. С. 163.
11. Там же. С. 164.
12. Там же. С. 167.
13. Там же. С. 168.
14. Там же. С. 169.